

Стратегия социально-экономического

(Окончание.)

Начало на 1-й стр.)

Пришло после этого выслушать, что и «страну тянем назад», и «топчем тяжёлыми теоретическими сапогами креативное свободомыслие»...

Хотя и тогда, как и сейчас, все сколько-нибудь сведущие и ответственные наблюдатели отметили, что академики «старой» и «новой» волны одинаково ценят свободу и творчество как естественные ценности человеческой жизни.

Не без удивления отметили приверженность представителей научной мысли к рыночным преобразованиям, а также и то обстоятельство, что ни один самый жёсткий доклад не был посвящен «возврату». Да, мы четко и внятно говорили о государстве, но не о том, «больше или меньше» должно его быть в экономике, социальной сфере, жизни человека. Мы говорили, рассуждали и предлагали, «как» должно вести себя умное государство в обстоятельствах крутого перелома конца XX века в России. Сейчас это уже общее место любых рассуждений. Жаль, что слишком поздно стали об этом думать: сожгли целое поколение и огромные ресурсы.

Сегодня мы собрались вновь, как бы подтверждая идею Гегеля о «позитивном разрешении противоречий» в достижении новых продуктивных состояний, в развитии. Собрались в зале, который уже окрестили званием «Зал Победы», ибо именно здесь Владимир Владимирович Путин провёл заключительное, решающее, заседание Комитета Победы, посвященное празднованию 60-летия Победы в Великой Отечественной войне.

Кстати, именно в этом зале Дмитрий Анатольевич Медведев провел первое заседание, посвященное реализации национальных проектов.

Так что аудитория располагает...

Мне приятно видеть в участниках сегодняшнего разговора своих старых знакомых и соратников: академиком Некипелова Александр Дмитриевича, Маевского Владимира Ивановича, Гусейнова Абдусалама Абдулкеримовича, докторов наук, профессоров Никольского Сергея Анатольевича, Сильвестрова Сергея Николаевича, Коробейникова Михаила Антоновича, Гонтмаера Евгения Шлемовича, Ципко Александра Сергеевича, Сабурова Евгения Фёдоровича.

А еще более приятно видеть молодых мыслителей, которых знаю в основном по публикации. Это Порфирьев Борис Николаевич, Зельднер Алексей Григорьевич, Орешин Борис Васильевич, Аршинов Владимир Иванович, Рубцов Александр Владимирович и другие.

Благодарю всех вас за участие в работе конференции!

Думаю, что наши уважаемые гости подробно и заинтересованно расскажут и подискутируют об идеологии национального возрождения, структурных переломах как факторе развития, движении рисков, региональных непоследовательностях, финансовых угрозах нового дня и сырьевых угрозах мирового масштаба.

В чём вижу крупные проблемы? Первая и самая главная: осознание необходимости создания целостной концепции и стратегии развития страны.

Сегодня все без исключения — начиная с президента, правительств и заканчивая самым младшим научным сотрудником — стоят на позиции активного стратегического прогнозирования и управления.

Искренне благодарен Российской академии наук, двум её ведущим институтам — экономии и философии — за то, что поддержали нашу идею о государственном мышлении субъекта.

Сейчас активно работают новые, гибкие структуры, такие как «РИО-Центр», Институт современного развития, Центр стратегических разработок,

конкретному обществу. Конкретности во внутрироссийском обмене. Имею в виду равномерность развития регионов.

Как сказал Виктор Алексеевич Зубков, разница в бюджетной обеспеченности регионов составляет 13 с половиной раз, а более половины инвестиционных средств, вкладываемых в экономику страны, сконцентрировано всего в 14 субъектах.

Сейчас активно работают новые, гибкие структуры, такие как «РИО-Центр», Институт современного развития, Центр стратегических разработок,

конкретному обществу. Конкретности во внутрироссийском обмене. Имею в виду равномерность развития регионов.

Как сказал Виктор Алексеевич Зубков, разница в бюджетной обеспеченности регионов составляет 13 с половиной раз, а более половины инвестиционных средств, вкладываемых в экономику страны, сконцентрировано всего в 14 субъектах.

Сейчас активно работают новые, гибкие структуры, такие как «РИО-Центр», Институт современного развития, Центр стратегических разработок,

же государство как мыслящий субъект?

В принципе, области центра, особенно Черноземья, производящие половину продовольствия в стране, могут поставить вопрос ребром: если нефть и газ — это стратегический ресурс, то хлеб, молоко и мясо — это что, тактические полуфабрикаты? Обстановка последнего времени вокруг роста цен на продовольствие прикрывала нездоровые решения по повышению тарифов на энергоресурсы и транспортные услуги. И даже запрет продавать продовольственные ресурсы не вы-

Продать же эту продукцию поумному наши новые хозяйственники не могут. Зато другие везут сухое молоко и иное из-за рубежа!

Несмотря на традиционную оценку наших ресурсов как дефицитных, считаю, что Центральная Россия, оставаясь «хребтом» державы, вполне в состоянии удвоить производство ВВП к 2012 году и утроить к 2020-му.

Поэтому в наших интересах разрабатывать, лоббировать, обеспечивать и проводить новую продовольственную политику, но не только как инновационной, но стратегически сырьевой регион.

Третья проблема — это инфраструктура. Имеется в виду инфраструктура в широком смысле слова как сфера обеспечения деятельности человека и его семьи.

Национальные традиции — дело хорошее. Но традиция подхода к развитию инфраструктуры Центральной России по остаточному принципу — это уже не пережиток, это абсурд! Не видеть или замалчивать, как вымирает русская Россия, может только неадекватный человек.

Подчеркну, определенная новая ступень в строительстве инфраструктуры достигнута благодаря двухлетней реализации четырех национальных проектов. Только у нас на Орловщине их стоимостной вес составил 20 миллиардов 477 миллионов рублей. При этом бюджетные вложения в эти проекты составили 2 миллиарда 866 с половиной миллионов рублей, а кредитные составили 17 миллиардов 788 миллионов.

Это очень интересные показатели, которые демонстрируют, что решение национальных задач уже есть не только

мируемой задачей грядущего социально-экономического роста.

Четвёртая проблема — это противоречие между финансовым ростом и ростом реального производства.

Всякого рода «голландские болезни» не подходят для России. Борьба с инфляцией как следствием роста государственных расходов — это полная интеллектуальная и даже политическая несостоятельность.

Отдельные люди не понимают, что есть реальный сектор, что почти 60 процентов населения страны получает свои доходы именно в реальном секторе, пенсия — 60, а то и 80 процентов населения получают от того, что зарабатывается в реальном секторе. Это не просто незнание. Это очевидное преступление против народа! И это длится уже десять лет.

Дальше: разрыв в доходах «децильных» групп — почти 18 раз!

В какие ворота мы полезем со своими инновациями и нанотехнологиями? Отложить деньги, полученные от независимых сырьевых факторов, — на это ума не надо! У нас у всех бабушки прятали «в чулок». Правда, не в американский. Мы «заквасили» сотни миллиардов на Западе, они обеспечиваются, а мы там покупаем машины, мясо, молоко, мебель.

Заставить лишние деньги работать — вот это задача! Она под силу творческой власти, способной гибко реагировать на запросы своего народа.

Причём, в первую очередь, решить проблему доходов интеллигенции, пожилых людей, молодёжи.

Бедность — это бич России! Сказки о том, что доходы опережают производительность, — это рассказы олигархов для самоуспокоения самых богатых 5 процентов населения. И в этом смысле, поверьте, для любого политика, бизнесмена и мыслителя самая страшная болезнь — это страхи!

Поведем себя мудро, реально и смело — значит, и страна, и держава, народ будут жить лучше!

В связи с этим — пятое. Одной из главных задач действующей власти, способной обеспечить безболезненный переход к инновационному пути развития, является поддержка молодого поколения России. Скажем откровенно: именно молодёжь обеспечила сокрушительную победу Д.А. Медведева на выборах. Молодые люди искренне откликнулись на призыв В.В. Путина поддержать ближайшего соратника.

А ведь проблемы демографии решать в основном нашей молодежи. И речь идет не только о росте рождаемости и снижении смертности. Необходимо смотреть шире, ставить вопрос о нравственной, патриотической демографии, демографии как возрождению великой России, его внутрен-

него стержня, главным элементом которого являются области центра, обеспеченности и жизнестойкости нашего населения.

Поворот власти к решению этих проблем — впервые данный России историей шанс осуществить манёвр на взлёте! Наша задача — этот шанс не упустить!

Только так мы заслужим благодарность будущих творцов будущей процветающей России!

Уважаемые коллеги!

Разумеется, всё, что я сказал, — это лишь обзор некоторых проблем нашего роста, но не его глубинная разработка.

Есть особые вопросы, о которых хочу сказать.

Во-первых, земельные отношения в силу их сверхжесткости сегодня. Нефть, газ, металл, городскую собственность — «прошли!» Теперь кинулись к земле как объекту собственности и прав на неё.

Запомните! Все катаклизмы в России (и не только) начинаются с земли... Сейчас все пришло в движение...

И вот она опять, проблема «института», в первую очередь институтов прав собственности в России.

Экономисты, юристы, философы, политологи — учёные, с одной стороны, и практики — представители властных структур, бюрократы, «оформители» земли — с другой, находятся не просто в противоречии, но в недоумении: «Что делать-то?!»

Идёт открытие рейдерства — захват земли!

Мы в Орловской области как первой, прошедшей все модели реформирования земельных отношений на селе, естественно, столкнулись с этой проблемой первыми! Мы пытаемся сегодня ее практически решить. Видим новое противоречие инвесторов и крестьян, и его решаем.

Хотят все торговать землей, но не работают на ней.

Но недопонимание значимости «института собственности» долго будет бить по России! Знаю, что «теоретическая часть» и «практическая составляющая» — как всегда у нас в отрыве.

Во-вторых, меня очень волнует степень анализа конкретных состояний, или, по-русски, статистика! Вот вопрос к вам!

Русская статистика была всегда передовой и лучшей в мире. А что теперь? Старые формы под новые показатели и указания?

Я думаю, академическая мысль должна построить статистику по-новому, а не отчёты и формы 1983 года.

В-третьих, нельзя так продолжать относиться к малому бизнесу, тем более что мы не «различили» до конца, что есть «малый», что есть «средний», а по-хорошему — что есть вообще бизнес!

Главное, сами представители бизнеса становятся субъектами права и заявляют о своем месте в обществе.

Спасибо за внимание.

Я представляю слово вице-президенту Российской академии наук Некипелову Александру Дмитриевичу.

Приветственное слово губернатора Орловской области Егора Семёновича Строева

глядит ли нелепостью на фоне проблем ресурсов энергетических?

В 1994 году по нашей инициативе правительство во главе с В.С. Черномырдыным провело в Орле, в этом зале, своё заседание. Приняли решение: центру России быть и развиваться!

И до сих пор ищем, есть ли это «решение», в каком виде существует, кто и как на нем ставил подписи и согласовывал?

За восемь лет мы в области не имели ни одного года правления, рецессий в социально-экономическом развитии. Это касается всей Центральной России.

Это тем более замечательно, что основной интеллектуальный и инновационный потенциал страны сосредоточен в наших областях. Все знают: 60 процентов высших переделов в промышленности сосредоточено у нас, 70 процентов фундаментальной и прикладной науки работает на нашей территории.

Новые преимущества аграрно-промышленного комплекса делают наш регион важнейшим гарантом безопасности всей России. Я имею в виду продовольственную безопасность. Действительно, половина населения планеты испытывает голод — это вывод ООН, и ее экспертов.

Самая земля как фактор производства «сужается».

А нас, великую продовольственную державу, «ставят на колени». И мы слепло подчиняемся. 40 млн. гектаров пашни бросили и не засеваем...

Это очень серьёзный вопрос для разработчиков концепции и стратегии, ведь аграрный комплекс давал на одно своё рабочее место восемь рабочих мест в промышленности.

Не стало возможности пахать и сеять — загубили целые отрасли в машиностроении и переработке.

Сегодня до 80 процентов продовольствия, потребляемого москвичами, питерцами, жителями иных агломераций, завозится из-за рубежа.

Орловская область производит зерна, мяса и молока на душу населения чуть ли не больше всех российских регионов.

вой, наконец, сферах. Сегодня нужно делать выбор в жизни всего государства и общества!

Это уникальное историческое состояние. Уникальность состоит в создании фундаментальной основы для политических и экономических перспектив и формирования креативного смысла движения страны на ближайшие пятилетие, десятилетия и даже дальше.

Смысл ответственности государственной деятельности, которая не завершается вместе с этой деятельностью, но распространяется до тех временных горизонтов, которые государственный деятель способен видеть, — это крайне важная, необходимая составляющая жизни политика и учёного.

И в этом уникальность сегодняшнего состояния верховной власти в России. В.В. Путин сделал всё, чтобы вернуть России национальную само-

близость как государству и державе. Д.А. Медведев на этой основе, надеюсь, двинет страну по пути развития демократии, раскрепощения самих здоровых и творческих сил всего народа и каждого гражданина.

Первая и самая главная: осознание необходимости создания целостной концепции и стратегии развития страны.

аналитический центр при правительстве и другие. Но все они — порождение академической среды, университетской науки — слава Богу, отстояли своё право на «слово» и «дело».

Будем спорить, не соглашаясь, но так или иначе предельно адекватную стратегию. Ведь это — действительный наказ наро да! Не случайно Д.А. Медведев сказал: «Нас не надо «облизывать». Нам надо работать».

В связи с этим вспоминаю времена перестройки и ускорения. Тогда, на девятнадцатой партконференции, мой друг

Безумие в распределении или бессмыслие финансовых потоков привели Москву и область в состояние раковой опухоли на теле России.

Мы стали жить в разных государствах. Хотя в Орловской области в прошлом году инвестиционный рост составил 200 процентов! За первый квартал прибавили ещё десять процентов прироста. Однако у нас бюджет остаётся стопроцентно социальным. И только инвестиционные вложения в экономику, которые мы привлекаем со стороны, превышают весь бюджет области в два раза!

Мы в ЦФО создаём 40 процентов валового внутреннего продукта страны. А потребляем сколько?

Тарифы естественных монополий «подпрыгивают в танце» от газовой, нефтяной и угольной «печек». Высокая переработка Центральной России, её жилищно-коммунальное хозяйство, социальная сфера, воспроизводственный комплекс любой семьи просто не в состоянии адекватно ответить на эти претензии.

Позвольте спросить: где здесь рыночное взаимодействие? Где регулятор, то есть то

Земля в наследство

А.Д. Некипелов, вице-президент Российской академии наук, академик:

— Очень своевременно Егор Семёнович инициировал проведение этой конференции, и очень точно сформулировано её название: «Стратегия социально-экономического развития России: новый этап». Егор Семёнович упоминал о конференциях, которые проводились в Орле. Мне тоже довелось в них участвовать. Последняя — в 2004 году. Я перед отъездом специально заглянул в тезисы, которые тогда готовил к своему выступлению. Конечно, многое в стране с тех пор изменилось к лучшему.

Прежде всего сформированы, хотя и со значительными деформациями, основные институты рыночной экономики. Мы уже, к счастью, забыли о

таких вещах, как неплатежи, которые в 1990-х просто парализовывали наше экономическое развитие. Как-то незаметно произошло переосмысление экономической роли государства. Мы живём в условиях относительной макроэкономической стабильности. И постепенно от полного непри-

ятия идеи промышленной политики сейчас пришли к тому, что о ней не говорит только ленивый. Разумеется, страна должна проводить свою промышленную политику. Помню, во время встречи с Германом Грэфом я записывал насчёт необходимости промышленной политики. Тот очень жёстко отреагировал, заявив, что никакая промышленная политика нам не надо.

А сегодня активно формируется система стратегического планирования в стране на разных уровнях. Конечно, до создания стройной системы ещё далеко, но уже всем ясно, что такая система необходима и что её существование отнюдь не означает гибель рыночной экономики — напротив, означает создание условий для её нормального развития.

Уже достаточно долго — с 1999 года — мы живём в режиме экономического роста. Распут доходы — пусть пока и неравномерно у различных групп населения. И это отнюдь не исключительно результат благоприятной конъюнктуры на мировых рынках. Разумеется, сбрасывать со счетов этот фактор нельзя, как нельзя и относить перелом в экономике исключительно за счёт выгодной для нас динамики цен на топливно-сырьевые товары.

Удалось решить и ещё одну важную проблему, хотя далеко не в полной мере: всё-таки государство начало изымать природную ренту и её использовать. Да, есть масса претензий к тому, как это делается, — наверное, есть более эффективные механизмы. Но сам факт, что значительные ресур-

сы стали поступать в распоряжение государства, чрезвычайно важен.

Сегодня очень важно сформулировать долгосрочную линию развития страны. Я тут полностью согласен с Егором Семёновичем в том, что это задача, которую должно решать всё наше общество. И некоторые черты такого общего видения начали формироваться. Кстати, россияне с одобрением воспринимают саму идею постановки амбициозных задач развития страны. Нас ведь долго уверяли, что не надо никаких масштабных задач, достаточно как бы...

Е.С. Строев (помогая найти точное слово):

— Плыть по течению.

А.Д. Некипелов:

— Вот именно — плыть по течению, оно привычнее. Оказывается, нет. Постановка амбициозных задач, формулирование проектов возвращения в экономику высокотехнологичных видов производства — всё

это воспринимается населением позитивно. Переход на инновационный путь развития является одной из важнейших задач для нас. Именно благодаря этому можно уйти от избыточной топливно-сырьевой специализации отечественной экономики.

Егор Семёнович говорил о проблеме ресурсов, которые мы не используем. Они действительно астрономические. В 2004 году, когда мы здесь собирались и обсуждали эту проблему, я говорил, что 20—30 млрд. долларов можно использовать для внутренних целей, для развития экономики. Сегодня у нас валютные резервы превышают полтриллиона! И они не используются. Кудрин (вице-премьер, министр финансов. — Авт.) любит повторять, что жизнь показала его правоту: сейчас, когда началось неспокойное время на мировых финансовых рынках, у России есть огромная подушка безопасности. Да, она

астрономических размеров. Нам действительно в обозримом будущем не грозит крах рубля. Но ведь вопрос о любых запасах — это вопрос их оптимального уровня. А какой конкретно нужен денежный запас для поддержания равновесия на валютном рынке? Отвечают: мол, сколько есть, столько и нужно. Но разве правильно, что эти колоссальные валютные запасы постепенно уйдут на погашение негативных воздействий мировой конъюнктуры? А может, всё-таки лучшей страховкой состоит в том, чтобы диверсифицировать экономику и сделать её менее зависимой от негативных влияний? Я не устаю повторять, что это неправильно, что есть механизм корректного использования этих ресурсов для модернизации экономики, для импорта современных технологий, для развития инфраструктуры.

Егор Семёнович поднял очень важный вопрос о зем-

ле. Знаете, во время перестройки появилось письмо большой группы западных учёных (в их числе были два нобелевских лауреата) — оно тогда почему-то не получило широкой огласки — Михаилу Горбачёву. Его призывали не совершать ошибки — не отказываться от государственной собственности на землю. Учёные подчёркивали, что, с точки зрения оборота земли, наличие частной собственности не является обязательным. Неожиданным эффективным механизмом аренды, способным обеспечить оборот земли и дать государству доход. Говорилось в письме и ещё об одной опасности: земля в определённых условиях может становиться очень опасным спекулятивным активом. Писавшие хорошо знали, что такое появившиеся в результате сделок с землёй финансовые пузыри. У нас тогда усиленно замалчивалось, что в Голландии примерно полови-

развития России: новый этап

на землю является государственной, причём используется последним в коммерческом режиме — сдаётся в аренду; значительная часть земли используется государством в рыночном режиме в Израиле и других странах.

К сожалению, мы пошли другим путём...

Е.С. Строев:
— Александр Дмитриевич, вы абсолютно верно сказали по поводу использования земли. Присоединившиеся к ФРГ земли Восточной Германии не приватизировали — до сих пор они являются государственной собственностью и эффективно работают. Больше того,

там не стали разрушать крупное товарное производство — только ввели в рыночный оборот.

Что касается Орловской области, то мы у себя проводим линию на аренду земли. Ведь если сегодняшнее поколение не в состоянии обработать землю — по возрасту, по техническому оснащению и т. д., то нужно оставить её для своих потомков — детям и внукам. А для производства, для бизнеса отдать землю в аренду и жить за счёт этого. Может, хоть один побочный источник дохода — чего не было веками — появится у нашего крестьянина.

ническому оснащению и т. д., то нужно оставить её для своих потомков — детям и внукам. А для производства, для бизнеса отдать землю в аренду и жить за счёт этого. Может, хоть один побочный источник дохода — чего не было веками — появится у нашего крестьянина.

Горе от... денег

В.И. Маевский, руководитель Центра эволюционной теории и экономического развития Института экономики РАН, академик:

— Тема моего выступления «Российская нефть и российские финансы» достаточно заземлённая. Я начну с того, о чём говорил Егор Семёнович, с вопроса: почему так получается, что у нас всё более нарастают размеры импорта продовольствия, вместо того чтобы предпринимались меры для развития собственного сельскохозяйственного производства?

Дело в том, что мы создали такую систему рыночных институтов, такую рыночную модель, которая в настоящее время больше ориентирована на импорт продовольствия, чем на его собственное производство. У нас сейчас положительный торговый баланс, то есть экспорт превышает импорт. Это очень опасная вещь для нашей экономики, ибо Центробанку приходится вмешиваться в валютные операции и избыточную валюту (разницу между выручкой от экспорта и импортом) компенсировать скупкой валюты. Если не будет проведена валютная интервенция, то рубль резко усилится. Допустим, сейчас его курс 23—24 рубля за доллар, а может стать 10—12 рублей, что крайне негативно скажется на отечественных производителях. Поэтому Центробанк и проводит скупку валюты. А поскольку её продавец — нефтяные и газовые компании, то все деньги уходят к ним. Они поступают в экономику только по одному каналу. Это означает, что все импульсы расширения, развития экономики идут от нефтегазового комплекса. Во всех же развитых странах мира работают другие механизмы: новые деньги поступают в экономику или через финансирование коммерческих банков Центральным банком, или через бюджетные приоритеты. Это позволяет направлять средства в те отрасли, которые являются носителями научно-технического прогресса.

Кудрин и Набиуллина (министр экономического развития и торговли. — Авт.) мечтают сегодня о падении цены на сырую нефть.

Е.С. Строев (иронично):
— Конечно, им там тяжело с большими деньгами. (Смех в зале).

В.И. Маевский:
— Не то слово, Егор Семёнович, вот есть горе от ума, а здесь горе от денег... Они

мечтали, что это падение произойдёт в 2006 году, но надежды не оправдались. В 2007-м цена за баррель нефти тоже не пошла вниз. В бюджете на 2008—2010 годы была заложена тенденция спада стоимости топливно-энергетических ресурсов, но в 2008 году всё происходит с точностью до наоборот. Цены не падают, и, стало быть, мы не можем перейти на нормальную, как во всём развитом мире, систему формирования денег в экономике.

Результат хорошо всем известен: огромные суммы денег, аккумулированные в Стабфонде. Что с ними делать? Пока получается, что мы как бы бесплатно продаём свои нефть и газ, укрепляем оборонно-промышленный комплекс США, ведь полтриллиона долларов в значительной мере идут на покрытие бюджетного дефицита Соединённых Штатов. Но там сейчас бурлит ипотечный кризис, и мы вообще рискуем лишиться части денег — ведь наше правительство вложило средства не только в государственные ценные бумаги США, но и в ипотечные компании, которые оказались «под колпаком».

Что делать? Правительство должно определить, какие финансовые резервы мы считаем оптимальными, с точки зрения обеспечения стабильности федерального бюджета. А всё, что за пределами этого уровня, должно пойти на развитие отечественной экономики.

Или наша экономика не испытывает на них спроса? Вот поразительный свежий пример. Минфин предложил на конкурсной основе купить 300 млрд. долларов коммерческих банков России. Те купили всего около 24 миллиардов. Тут же последовало заявление одного из руководителей Минфина: мол, раз не купили эти деньги, значит, спроса на них нет. Но, простите, сегодня наши негосударственные структуры — банки, компании — должны 480 млрд. долларов зарубежным

банкам. Значит, потребность в деньгах огромная, и она растёт как снежный ком. Минфин, видимо, надо было поинтересоваться, на каких условиях эти деньги были предложены. Наверное, под высокие проценты и с различными обременениями.

Есть ещё один момент, на который вообще не обращается внимание. По моим оценкам, в ближайшие три-четыре года в нашей стране возникнет такая ситуация, что нам нужно будет сокращать объёмы экспорта нефти и газа. Но правительство в долгосрочной концепции развития до 2020 года не учитывает этот вариант. Во всех проектах, которые я видел, записано, что мы должны наращивать объёмы экспорта. Мы дали обязательства по укреплению международной энергетической безопасности и должны быть надёжными поставщиками по всё более возрастающим объёмам. Но, простите, это всё хорошо при условии, если бы у нас росли объёмы добычи. Но до 2020 года известно, что, например, по нефти они вырастут всего на 7%. Разведанные запасы нефти говорят о том, что нам её хватит на срок от 30 до 60 лет. А раз так, то возникает вопрос: за счёт чего мы будем снабжать внутренний рынок, который должен расти, ведь темпы роста российской экономики до 2020 года заложены очень приличные. Ответ наших специалистов таков: за счёт энергосбережения. Да, энергосбережение — вопрос чрезвычайно важный. Но его надо тщательно просчитать. В концепции он просчитан в общих чертах. Два года назад Чубайс, председатель правления РАО «ЕЭС России», выступая у нас на общем собрании Российской академии наук, сказал, что, к сожалению, заложенные цифры по энергосбережению с 2000 по 2005 годы были не выполнены и поэтому образовался дефицит энергоёмкости. Надо быть реалистами, надо посмотреть, как ведёт себя коэффициент энергосбережения в развитых странах и сколько стоит каждый процент снижения энергоёмкости ВВП. Это огромные деньги. К чему я клоню? К тому, что в концепции развития экономики до 2020 года надо понять и заложить некое снижение экспорта.

Но здесь государственные интересы сталкиваются с корпоративными: корпорации не заинтересованы в снижении экспорта. И в этом, мне кажется, корень зла. Как быть?

Е.С. Строев:
— Было горе от ума, а сегодня горе от нефти. Почему НДСИ нужно брать с дизельного топлива, которое сегодня на сев пошло? И сразу стоимость хлеба в два раза выше, и молока; да все товары — вплоть до костюма — становятся дороже. Я думаю, что Путин, побывав в Ливии, многое увидел. Там тоже огромное количество нефтедолларов. Но глава государства Каддафи обеспечил всемоу его население высокий уровень жизни. И никакой инфляции. Беда в том, что мы всё время ждём, чтобы кто-то нам аплодировал, особенно — Запад...

Е.С. Строев:
— Было горе от ума, а сегодня горе от нефти. Почему НДСИ нужно брать с дизельного топлива, которое сегодня на сев пошло? И сразу стоимость хлеба в два раза выше, и молока; да все товары — вплоть до костюма — становятся дороже. Я думаю, что Путин, побывав в Ливии, многое увидел. Там тоже огромное количество нефтедолларов. Но глава государства Каддафи обеспечил всемоу его население высокий уровень жизни. И никакой инфляции. Беда в том, что мы всё время ждём, чтобы кто-то нам аплодировал, особенно — Запад...

Е.С. Строев:
— Было горе от ума, а сегодня горе от нефти. Почему НДСИ нужно брать с дизельного топлива, которое сегодня на сев пошло? И сразу стоимость хлеба в два раза выше, и молока; да все товары — вплоть до костюма — становятся дороже. Я думаю, что Путин, побывав в Ливии, многое увидел. Там тоже огромное количество нефтедолларов. Но глава государства Каддафи обеспечил всемоу его население высокий уровень жизни. И никакой инфляции. Беда в том, что мы всё время ждём, чтобы кто-то нам аплодировал, особенно — Запад...

нужно оставить её для своих потомков — детям и внукам. А для производства, для бизнеса отдать землю в аренду и жить за счёт этого. Может, хоть один побочный источник дохода — чего не было веками — появится у нашего крестьянина.

нужно оставить её для своих потомков — детям и внукам. А для производства, для бизнеса отдать землю в аренду и жить за счёт этого. Может, хоть один побочный источник дохода — чего не было веками — появится у нашего крестьянина.

нужно оставить её для своих потомков — детям и внукам. А для производства, для бизнеса отдать землю в аренду и жить за счёт этого. Может, хоть один побочный источник дохода — чего не было веками — появится у нашего крестьянина.

нужно оставить её для своих потомков — детям и внукам. А для производства, для бизнеса отдать землю в аренду и жить за счёт этого. Может, хоть один побочный источник дохода — чего не было веками — появится у нашего крестьянина.

нужно оставить её для своих потомков — детям и внукам. А для производства, для бизнеса отдать землю в аренду и жить за счёт этого. Может, хоть один побочный источник дохода — чего не было веками — появится у нашего крестьянина.

нужно оставить её для своих потомков — детям и внукам. А для производства, для бизнеса отдать землю в аренду и жить за счёт этого. Может, хоть один побочный источник дохода — чего не было веками — появится у нашего крестьянина.

нужно оставить её для своих потомков — детям и внукам. А для производства, для бизнеса отдать землю в аренду и жить за счёт этого. Может, хоть один побочный источник дохода — чего не было веками — появится у нашего крестьянина.

нужно оставить её для своих потомков — детям и внукам. А для производства, для бизнеса отдать землю в аренду и жить за счёт этого. Может, хоть один побочный источник дохода — чего не было веками — появится у нашего крестьянина.

нужно оставить её для своих потомков — детям и внукам. А для производства, для бизнеса отдать землю в аренду и жить за счёт этого. Может, хоть один побочный источник дохода — чего не было веками — появится у нашего крестьянина.

нужно оставить её для своих потомков — детям и внукам. А для производства, для бизнеса отдать землю в аренду и жить за счёт этого. Может, хоть один побочный источник дохода — чего не было веками — появится у нашего крестьянина.

нужно оставить её для своих потомков — детям и внукам. А для производства, для бизнеса отдать землю в аренду и жить за счёт этого. Может, хоть один побочный источник дохода — чего не было веками — появится у нашего крестьянина.

нужно оставить её для своих потомков — детям и внукам. А для производства, для бизнеса отдать землю в аренду и жить за счёт этого. Может, хоть один побочный источник дохода — чего не было веками — появится у нашего крестьянина.

Другая экономика

А.В. Рубцов, завсектора Института философии РАН, доктор философских наук, профессор:

— В связи с долгосрочной концепцией социально-экономического развития России до 2020 года все заговорили о мегапроекте, в результате реализации которого мы намерены получить другую экономику, другую страну. Но что такое 2020 год? Нам надо как минимум 40—50 лет для стратегического планирования. Европа, например, уложившись в 50 лет, США вообще в 80, Китай и того больше. Мы пытаемся уложиться в 20 лет.

В феврале президент Владимир Путин на Госссове, рассказывая о стратегии развития страны до 2020 года, заметил, что выбор между тем или иным сценарием — вопрос самого существования страны и добавил: «Говорю это без всякого преувеличения». И я очень удивился, почему зал, который через несколько фраз очень бурно реагировал на то, что предприниматели вынуждены давать взятки чуть ли не гинекологам, не настояжился на предыдущей фразе президента.

Действительно, что ждёт нас, когда обрушится сырьевая экономика? Надо понимать, что альтернативная энергетика уже технически существует — пока она просто нерентабельна. Но Запад эту проблему решит. Причём чем быстрее будут расти цены

на нефть, тем скорее решит. А мы... мы живём в совершенно другом мире. Мы прошли эпоху догоняющих модернизаций, когда можно было чередовать слепки с успешными авраами, чем мы, кстаи, всегда и занимались. Всё, господа, кончилось это время. Мир уже делится на тех, кто вошёл в инновационный поток, и на тех, кто уже никогда в него не войдёт: лидеры идут быстрее тех, кто их догоняет. И мы должны понимать, что ещё немного, и технологическое отставание может стать просто необратимым. То есть всё решается именно сейчас, времени на раскачку не осталось.

Ещё один принципиальный момент. Вот мы очень много говорим о переходе от сырьевой экономики к инновационной. Но у меня возникает простой вопрос: а что, кроме этих двух экономик, больше ничего нет в жизни? А как же так

на нефть, тем скорее решит. А мы... мы живём в совершенно другом мире. Мы прошли эпоху догоняющих модернизаций, когда можно было чередовать слепки с успешными авраами, чем мы, кстаи, всегда и занимались. Всё, господа, кончилось это время. Мир уже делится на тех, кто вошёл в инновационный поток, и на тех, кто уже никогда в него не войдёт: лидеры идут быстрее тех, кто их догоняет. И мы должны понимать, что ещё немного, и технологическое отставание может стать просто необратимым. То есть всё решается именно сейчас, времени на раскачку не осталось.

Ещё один принципиальный момент. Вот мы очень много говорим о переходе от сырьевой экономики к инновационной. Но у меня возникает простой вопрос: а что, кроме этих двух экономик, больше ничего нет в жизни? А как же так

на нефть, тем скорее решит. А мы... мы живём в совершенно другом мире. Мы прошли эпоху догоняющих модернизаций, когда можно было чередовать слепки с успешными авраами, чем мы, кстаи, всегда и занимались. Всё, господа, кончилось это время. Мир уже делится на тех, кто вошёл в инновационный поток, и на тех, кто уже никогда в него не войдёт: лидеры идут быстрее тех, кто их догоняет. И мы должны понимать, что ещё немного, и технологическое отставание может стать просто необратимым. То есть всё решается именно сейчас, времени на раскачку не осталось.

Ещё один принципиальный момент. Вот мы очень много говорим о переходе от сырьевой экономики к инновационной. Но у меня возникает простой вопрос: а что, кроме этих двух экономик, больше ничего нет в жизни? А как же так

на нефть, тем скорее решит. А мы... мы живём в совершенно другом мире. Мы прошли эпоху догоняющих модернизаций, когда можно было чередовать слепки с успешными авраами, чем мы, кстаи, всегда и занимались. Всё, господа, кончилось это время. Мир уже делится на тех, кто вошёл в инновационный поток, и на тех, кто уже никогда в него не войдёт: лидеры идут быстрее тех, кто их догоняет. И мы должны понимать, что ещё немного, и технологическое отставание может стать просто необратимым. То есть всё решается именно сейчас, времени на раскачку не осталось.

Ещё один принципиальный момент. Вот мы очень много говорим о переходе от сырьевой экономики к инновационной. Но у меня возникает простой вопрос: а что, кроме этих двух экономик, больше ничего нет в жизни? А как же так

на нефть, тем скорее решит. А мы... мы живём в совершенно другом мире. Мы прошли эпоху догоняющих модернизаций, когда можно было чередовать слепки с успешными авраами, чем мы, кстаи, всегда и занимались. Всё, господа, кончилось это время. Мир уже делится на тех, кто вошёл в инновационный поток, и на тех, кто уже никогда в него не войдёт: лидеры идут быстрее тех, кто их догоняет. И мы должны понимать, что ещё немного, и технологическое отставание может стать просто необратимым. То есть всё решается именно сейчас, времени на раскачку не осталось.

Ещё один принципиальный момент. Вот мы очень много говорим о переходе от сырьевой экономики к инновационной. Но у меня возникает простой вопрос: а что, кроме этих двух экономик, больше ничего нет в жизни? А как же так

на нефть, тем скорее решит. А мы... мы живём в совершенно другом мире. Мы прошли эпоху догоняющих модернизаций, когда можно было чередовать слепки с успешными авраами, чем мы, кстаи, всегда и занимались. Всё, господа, кончилось это время. Мир уже делится на тех, кто вошёл в инновационный поток, и на тех, кто уже никогда в него не войдёт: лидеры идут быстрее тех, кто их догоняет. И мы должны понимать, что ещё немного, и технологическое отставание может стать просто необратимым. То есть всё решается именно сейчас, времени на раскачку не осталось.

Ещё один принципиальный момент. Вот мы очень много говорим о переходе от сырьевой экономики к инновационной. Но у меня возникает простой вопрос: а что, кроме этих двух экономик, больше ничего нет в жизни? А как же так

на нефть, тем скорее решит. А мы... мы живём в совершенно другом мире. Мы прошли эпоху догоняющих модернизаций, когда можно было чередовать слепки с успешными авраами, чем мы, кстаи, всегда и занимались. Всё, господа, кончилось это время. Мир уже делится на тех, кто вошёл в инновационный поток, и на тех, кто уже никогда в него не войдёт: лидеры идут быстрее тех, кто их догоняет. И мы должны понимать, что ещё немного, и технологическое отставание может стать просто необратимым. То есть всё решается именно сейчас, времени на раскачку не осталось.

на нефть, тем скорее решит. А мы... мы живём в совершенно другом мире. Мы прошли эпоху догоняющих модернизаций, когда можно было чередовать слепки с успешными авраами, чем мы, кстаи, всегда и занимались. Всё, господа, кончилось это время. Мир уже делится на тех, кто вошёл в инновационный поток, и на тех, кто уже никогда в него не войдёт: лидеры идут быстрее тех, кто их догоняет. И мы должны понимать, что ещё немного, и технологическое отставание может стать просто необратимым. То есть всё решается именно сейчас, времени на раскачку не осталось.

Ещё один принципиальный момент. Вот мы очень много говорим о переходе от сырьевой экономики к инновационной. Но у меня возникает простой вопрос: а что, кроме этих двух экономик, больше ничего нет в жизни? А как же так

на нефть, тем скорее решит. А мы... мы живём в совершенно другом мире. Мы прошли эпоху догоняющих модернизаций, когда можно было чередовать слепки с успешными авраами, чем мы, кстаи, всегда и занимались. Всё, господа, кончилось это время. Мир уже делится на тех, кто вошёл в инновационный поток, и на тех, кто уже никогда в него не войдёт: лидеры идут быстрее тех, кто их догоняет. И мы должны понимать, что ещё немного, и технологическое отставание может стать просто необратимым. То есть всё решается именно сейчас, времени на раскачку не осталось.

Ещё один принципиальный момент. Вот мы очень много говорим о переходе от сырьевой экономики к инновационной. Но у меня возникает простой вопрос: а что, кроме этих двух экономик, больше ничего нет в жизни? А как же так

на нефть, тем скорее решит. А мы... мы живём в совершенно другом мире. Мы прошли эпоху догоняющих модернизаций, когда можно было чередовать слепки с успешными авраами, чем мы, кстаи, всегда и занимались. Всё, господа, кончилось это время. Мир уже делится на тех, кто вошёл в инновационный поток, и на тех, кто уже никогда в него не войдёт: лидеры идут быстрее тех, кто их догоняет. И мы должны понимать, что ещё немного, и технологическое отставание может стать просто необратимым. То есть всё решается именно сейчас, времени на раскачку не осталось.

Ещё один принципиальный момент. Вот мы очень много говорим о переходе от сырьевой экономики к инновационной. Но у меня возникает простой вопрос: а что, кроме этих двух экономик, больше ничего нет в жизни? А как же так

на нефть, тем скорее решит. А мы... мы живём в совершенно другом мире. Мы прошли эпоху догоняющих модернизаций, когда можно было чередовать слепки с успешными авраами, чем мы, кстаи, всегда и занимались. Всё, господа, кончилось это время. Мир уже делится на тех, кто вошёл в инновационный поток, и на тех, кто уже никогда в него не войдёт: лидеры идут быстрее тех, кто их догоняет. И мы должны понимать, что ещё немного, и технологическое отставание может стать просто необратимым. То есть всё решается именно сейчас, времени на раскачку не осталось.

Ещё один принципиальный момент. Вот мы очень много говорим о переходе от сырьевой экономики к инновационной. Но у меня возникает простой вопрос: а что, кроме этих двух экономик, больше ничего нет в жизни? А как же так

на нефть, тем скорее решит. А мы... мы живём в совершенно другом мире. Мы прошли эпоху догоняющих модернизаций, когда можно было чередовать слепки с успешными авраами, чем мы, кстаи, всегда и занимались. Всё, господа, кончилось это время. Мир уже делится на тех, кто вошёл в инновационный поток, и на тех, кто уже никогда в него не войдёт: лидеры идут быстрее тех, кто их догоняет. И мы должны понимать, что ещё немного, и технологическое отставание может стать просто необратимым. То есть всё решается именно сейчас, времени на раскачку не осталось.

Ещё один принципиальный момент. Вот мы очень много говорим о переходе от сырьевой экономики к инновационной. Но у меня возникает простой вопрос: а что, кроме этих двух экономик, больше ничего нет в жизни? А как же так

на нефть, тем скорее решит. А мы... мы живём в совершенно другом мире. Мы прошли эпоху догоняющих модернизаций, когда можно было чередовать слепки с успешными авраами, чем мы, кстаи, всегда и занимались. Всё, господа, кончилось это время. Мир уже делится на тех, кто вошёл в инновационный поток, и на тех, кто уже никогда в него не войдёт: лидеры идут быстрее тех, кто их догоняет. И мы должны понимать, что ещё немного, и технологическое отставание может стать просто необратимым. То есть всё решается именно сейчас, времени на раскачку не осталось.

Ещё один принципиальный момент. Вот мы очень много говорим о переходе от сырьевой экономики к инновационной. Но у меня возникает простой вопрос: а что, кроме этих двух экономик, больше ничего нет в жизни? А как же так

на нефть, тем скорее решит. А мы... мы живём в совершенно другом мире. Мы прошли эпоху догоняющих модернизаций, когда можно было чередовать слепки с успешными авраами, чем мы, кстаи, всегда и занимались. Всё, господа, кончилось это время. Мир уже делится на тех, кто вошёл в инновационный поток, и на тех, кто уже никогда в него не войдёт: лидеры идут быстрее тех, кто их догоняет. И мы должны понимать, что ещё немного, и технологическое отставание может стать просто необратимым. То есть всё решается именно сейчас, времени на раскачку не осталось.

на нефть, тем скорее решит. А мы... мы живём в совершенно другом мире. Мы прошли эпоху догоняющих модернизаций, когда можно было чередовать слепки с успешными авраами, чем мы, кстаи, всегда и занимались. Всё, господа, кончилось это время. Мир уже делится на тех, кто вошёл в инновационный поток, и на тех, кто уже никогда в него не войдёт: лидеры идут быстрее тех, кто их догоняет. И мы должны понимать, что ещё немного, и технологическое отставание может стать просто необратимым. То есть всё решается именно сейчас, времени на раскачку не осталось.

Между Сциллой и Харибдой

Д.В. Аронов, завкафедрой философии и истории ОрелГТУ, доктор исторических наук:

— Никого не хочу обидеть, но выражения типа «фламандская национальная идея», «туркменская национальная идея»... всё-таки близки к жареному льду. А русская нация, да простят нас все другие, обречена быть великой. И, конечно, великая нация не может не иметь великой идеи.

Думается, общие контуры такой национальной идеи были

озвучены в выступлении президента страны Владимира Путина на расширенном заседа-

называемая средняя экономика — она не существует? Не хай-тек, не экономика знания, а простее производства? Получается провал в середине, потому что у нас нет ни идей по поводу этой середины, ни конкретных решений.

А что из этого следует? А то, что инноваций никаких не будет, если не будет простого производства. Инновации всегда внедряются во что-то, а не в пустоту. Если страна не умеет делать плохое и старое, она новое и хорошее сможет делать только в качестве экспоната. Но это будет выставка достижений.

Откуда идут инвестиции в инновации? Если они идут от середины, живой экономики, то это более или менее надёжно. Если всё строится на сырьевой базе, то здесь всё зыбко: сегодня инвестиции есть, а завтра цены на нефть рухнули... Недаром же во всём мире говорят, что в России два главных потенциала: природные ресурсы и российские мозги, открытия. Вот только нефть мы продаём за деньги, а мозги и открытия, простите, отдаём задаром. И таким образом... усиливаем своё же технологическое отставание. Получили наши учёные Басов и Прохоров Нобелевскую премию за фундаментальную работу, которая позволила создать лазеры, а мы их до сих пор покупаем за границы...

Почему у нас образовался

провал в середине? Всё очень просто: в какие-то моменты дешевле покупать, чем самим производить. Но потом, когда не на что покупать, оказывается, что и восстанавливать уже нечего в собственном производстве. Это болезнь с почти летальным исходом. И здесь без экстраординарных политических, государственных мер у нас ничего не получится. Нужно реформировать саму систему реформирования.

И последнее. Нам надо что-то менять в сознании, культуре и т. д. Типичная ошибка, когда люди берутся что-то менять в жизни, в стране, в экономике, не пытаясь что-то изменить в себе, в своём сознании. Подозреваю, что нам очень мешают наши традиции с инновациями. Если вспомнить наше инновационное прошлое — это подкованные блохи, «Бураны» и т. д. А это не экономика инноваций — это нечто совершенно другое. Ведь Билл Гейтс на самом деле никаких технических новшеств не предложил — он просто перепозиционировал компьютер, сделал из него бытового прибор. Это не было техническое решение, но это было решение, нацеленное на людей, на общество. Пока мы с этим не умеем работать. У нас вся инновационная культура настроена на государство, на силу, престиж, но не на удобство людей. И это надо перестраивать. Нужна другая экономика.

Нынешняя дискуссия показывает, насколько сложно рождается понятие национальной идеи. Но повторюсь: Россия обречена на особый путь развития. Это доказывает и вся её история. Да, наверное, при этом мы должны пройти между Сциллой обособости и Харибдой общего универсализма. Между двумя крайностями — универсальностью либерализма и особенностью российского пути — в этом коридоре и должен лежать наш теоретический поиск.

Нынешняя дискуссия показывает, насколько сложно рождается понятие национальной идеи. Но повторюсь: Россия обречена на особый путь развития. Это доказывает и вся её история. Да, наверное, при этом мы должны пройти между Сциллой обособости и Харибдой общего универсализма. Между двумя крайностями — универсальностью либерализма и особенностью российского пути — в этом коридоре и должен лежать наш теоретический поиск.

Нынешняя дискуссия показывает, насколько сложно рождается понятие национальной идеи. Но повторюсь: Россия обречена на особый путь развития. Это доказывает и вся её история. Да, наверное, при этом мы должны пройти между Сциллой обособости и Харибдой общего универсализма. Между двумя крайностями — универсальностью либерализма и особенностью российского пути — в этом коридоре и должен лежать наш теоретический поиск.

Нынешняя дискуссия показывает, насколько сложно рождается понятие национальной идеи. Но повторюсь: Россия обречена на особый путь развития. Это доказывает и вся её история. Да, наверное, при этом мы должны пройти между Сциллой обособости и Харибдой общего универсализма. Между двумя крайностями — универсальностью либерализма и особенностью российского пути — в этом коридоре и должен лежать наш теоретический поиск.

Нынешняя дискуссия показывает, насколько сложно рождается понятие национальной идеи. Но повторюсь: Россия обречена на особый путь развития. Это доказывает и вся её история. Да, наверное, при этом мы должны пройти между Сциллой обособости и Харибдой общего универсализма. Между двумя крайностями — универсальностью либерализма и особенностью российского пути — в этом коридоре и должен лежать наш теоретический поиск.

Нынешняя дискуссия показывает, насколько сложно рождается понятие национальной идеи. Но повторюсь: Россия обречена на особый путь развития. Это доказывает и вся её история. Да, наверное, при этом мы должны пройти между Сциллой обособости и Харибдой общего универсализма. Между двумя крайностями — универсальностью либерализма и особенностью российского пути — в этом коридоре и должен лежать наш теоретический поиск.

Нынешняя дискуссия показывает, насколько сложно рождается понятие национальной идеи. Но повторюсь: Россия обречена на особый путь развития. Это доказывает и вся её история. Да, наверное, при этом мы должны пройти между Сциллой обособости и Харибдой общего универсализма. Между двумя крайностями — универсальностью либерализма и особенностью российского пути — в этом коридоре и должен лежать наш теоретический поиск.

Нынешняя дискуссия показывает, насколько сложно рождается понятие национальной идеи. Но повторюсь: Россия обречена на особый путь развития. Это доказывает и вся её история. Да, наверное, при этом мы должны пройти между Сциллой обособости и Харибдой общего универсализма. Между двумя крайностями — универсальностью либерализма и особенностью российского пути — в этом коридоре и должен лежать наш теоретический поиск.

Нынешняя дискуссия показывает, насколько сложно рождается понятие национальной идеи. Но повторюсь: Россия обречена на особый путь развития. Это доказывает и вся её история. Да, наверное, при этом мы должны пройти между Сциллой обособости и Харибдой общего универсализма. Между двумя крайностями — универсальностью либерализма и особенностью российского пути — в этом коридоре и должен лежать наш теоретический поиск.

Лекарство хуже болезни

Б.Н. Порфирьев, руководитель центра Института экономики РАН, доктор экономических наук, профессор:

— Хочу коснуться рисков природных и техногенных вызовов в связи со стратегией нашего социально-экономического развития до 2020 года. В первой части концепции эти риски сформулированы — в основном в виде экологических и технологических. На мой взгляд, этого недостаточно.

Мне кажется, что наша новая социально-экономическая стратегия должна учитывать то, что мы вступили в новую эпоху, связанную с очень серьёзными изменениями в природно-климатических условиях. Это прежде всего касается, конечно, сельского хозяйства, которое в той же Орловской области имеет исключительно важное значение.

Что сказано по этому поводу в концепции? Там сказано, что климатические барьеры мы будем ощущать только на уровне примерно 2030 года, причём

они дадут нам даже дополнительные возможности роста. С этим согласиться довольно сложно. На сегодня, по нашим подсчётам, совокупный ущерб от природных рисков, включая климатические, составляет примерно 1,5% ВВП. А с учётом тенденций, которые развиваются, мы можем выйти на 3% ВВП. Как видите, это весьма серьёзно.

В концепции говорится о развитии альтернативной энергетики, в том числе биотоплива.

Уже на уровне правительства заявляется, что Россия должна стать чуть ли не мировым лидером по производству биотоплива. Но сегодня первое поколение биотоплива, которое производится в основном из кукурузы и сахарного тростника, просто экологически грязное. Кроме того, для производства того же спирта задействуется существенная часть и земель сельскохозяйственного назначения, и урожай. Это приводит к повышению цен. В США в прошлом году только это обстоятельство вызвало повышение цен в птицеводстве на 12%! При этом из-за отсутствия севооборота негативно влияние оказывается и на почвенные ресурсы.

Суть проблемы производства альтернативного топлива в докладе Евросоюза в конце прошлого года была сформулирована примерно так: лекарство хуже болезни.

Выход, как нам представляется, находится в следующем. Нужно корректировать, извини-

те за каламбур, саму концепцию этой концепции. Она должна быть концепцией экономического роста во имя экономики. Она должна ориентироваться на устойчивые и неразрушающие условия развития.